

Украинцева Нина Ефимовна

ОСВОЕНИЕ РОМАНСА ФОЛЬКЛОРОМ КАЗАКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Предметом анализа в статье являются варианты фольклоризованных романсов, бытовавших в среде казаков Южного Зауралья. Указываются причины явления: востребованность народной культурой приемов психологизма и сентиментализма в изображении любовного чувства, приемов воспитания чувств. В результате классификации наблюдаемого материала выделены эпический романс-баллада и лирический бытовой романс. Показаны процессы фольклоризации и трансформации романса, выявлено своеобразие в обработке текстов песен, осваиваемых фольклором казаков, подмечены характерные локальные черты романса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 253-255. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Предметом анализа в статье являются варианты фольклоризованных романсов, бытовавших в среде казаков Южного Зауралья. Указываются причины явления: востребованность народной культурой приемов психологизма и сентиментализма в изображении любовного чувства, приемов воспитания чувств. В результате классификации наблюдаемого материала выделены эпический романс-баллада и лирический бытовой романс. Показаны процессы фольклоризации и трансформации романса, выявлено своеобразие в обработке текстов песен, осваиваемых фольклором казаков, подмечены характерные локальные черты романса.

Ключевые слова и фразы: фольклор казаков; городская песня; романс; фольклоризация песни; трансформация жанра.

Украинцева Нина Ефимовна, к. филол. н., доцент

Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т. С. Мальцева

Yasnaya11@yandex.ru

ОСВОЕНИЕ РОМАНСА ФОЛЬКЛОРОМ КАЗАКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Анализируя взаимовлияние элитарной культуры и субкультур (различных этнических и социальных групп), Г. Д. Ганс писал о культурном плюрализме данного явления [21], что представляется для нас важным. Взаимопритяжение и трансформация жанров классической русской народной песни и городской песни (более всего – романса) наблюдается со второй половины XIX века. Процесс отразил стремление провинции приобщиться к новым ценностям эпохи: свободе выбора жизненного пути, свободе выражения мысли и чувства, эмансипации женщины. Своёобразно это происходило в культуре казаков, где городская песня была распета как казачья. Осознание того, что казак выше иногородних по социальному статусу, достатку, образованию уже не мыслилось без освоения элементов городской культуры. Тем не менее, таковые элементы перенимались не механически, а перерабатывались, соразмерно встраивались в культуру казачества. Так, М. С. Петровский отмечал: «Чем ниже опускается романс по социальной лестнице, тем больше он приближается к лиро-эпическому строю, тем сильнее в нем фольклорные и мифопоэтические элементы» [16, с. 15]. В обозначенном нами локусе – на территории Южного Зауралья, в бывших станицах Оренбургского казачьего войска (ОКВ) – также остались своеобразные следы этого направления в развитии традиции. ОКВ формировалось государством искусственно, на пограничные линии казаков переселяли, записывали в казаки разный люд, поэтому в песенном фольклоре тесно сплелись оренбургская и донская манеры пения [9, с. 6], этой неподражаемой окраске подвергся и романс.

Городские песни – фольклорные песни, «создававшиеся в городских низах, начиная с середины XIX века, по образцу произведений профессиональной литературы или путем переработки стихотворений известных и малоизвестных поэтов» [8, с. 141]. Полемика, касающаяся разновидностей городской песни, многообразна. Так, по определению А. С. Башарина, городские песни можно классифицировать по общности генезиса (происхождения в той или иной социальной среде), по содержанию, по циклам, среди которых выделяются мотивно-тематические (об измене, разлуке, убийстве и другие) и декорационные циклы (морские, ковбойские и прочие) [5, с. 509], – уместно добавить и «казачьи». Освоенные казачеством городские песни информанты называют «старинными казачьими», что подтверждает передачу их от поколения к поколению. Среди распетых и обработанных казаками Южного Зауралья есть разные песни, но все они сохранили своеобразную культуру исполнения.

Романсы – любовные фольклоризованные песни – во множестве встречаются до сих пор. О генезисе и характеристике романса рассуждали Э. В. Померанцева [18], Д. М. Балашов [4], М. А. Тростина [21], С. Б. Адоньева и Н. М. Герасимова [1] и другие. Так, Я. И. Гудошников, классифицируя романсы, выделил среди них элегические, игривые, жестокие и сатирические [7]. С точки зрения Е. А. Костюхина, приемлемой для нас, нужно различать, во-первых, лирический бытовой романс и, во-вторых, эпический «мещанский» романс-балладу («жестокий» романс) [10, с. 492]. Один служит для выражения мелодраматических любовных чувств, другой является драматическим повествованием о любви (часто с трагическим исходом). «Жестокий» романс заимствует поэтику как у классической русской баллады, так и баллады литературной. Интересно, что сами исполнители прекрасно видят эти жанровые разновидности. Лирический бытовой романс информанты называют «лирической песней», а «жестокий» романс – «казачьим» романсом.

В фольклоре казаков Южного Зауралья к лирическим романсам с темой разлуки можно отнести «Была весна – мы встретились случайно» [3, № 16], «Для кого весна отрадная» [Там же, № 19], «На скамеечке с милым сидели» [Там же, № 17] (зап. от Л. П. Воробьевой, 1947 г. рожд.; с. Усть-Уйское). Романс «На скамеечке...» и его вариант «На зеленом ковре мы сидели» [11, № 2] (зап. от казачьего фольклорного коллектива «Зауралочка» в 2016 г.; с. Прорывное) имеют многочисленные общерусские варианты этой песни – «Скоро, скоро придется расстаться» / «Стоит дом, а у дома – скамейка» и др. С темой разлуки и романс «Горит лампада, теплится» [2, № 25] (зап. от Р. В. Дюрягиной 1938 г. рожд.; пос. Казак-Кочердык), также его одноименный вариант, записанный от Л. П. Воробьевой [3, № 18]. Переживания героини изображаются на фоне

ночи, интерьер дается с помощью контаминации. Так, строки «А ветер занавесочку тихонько шевелит» взяты и перефразированы из другого народного романса под названием «Затворница» (источник – романс на стихи Я. П. Полонского, муз. Н. И. Казанли). У Я. П. Полонского упомянутые строки повторяются дважды как прием кольцевой композиции: «И ветер занавескою тихонько шевелил», «И ветер занавескою тревожно колыхал» [17, с. 27], – отсюда и привлекательность образа, воздействие его на народное воображение. Романс «В тиши ночной» [19, № 13] (зап. от Т. С. Симагиной, 1915 г. рожд.; с. Звериноголовское) также называют лирической казачьей песней: «В тиши ночной, в тиши глубокой / Стояла тройка у крыльца. / С прелестной девой одинокой / Прощался мальчик навсегда». В текстах фольклора казаков XX века регулярно находим слова «мальчик», «мальчишка», «девчонка», «девочка» в значении «юноша», «девушка», несомненно, пришедшие из городской песни. Сентиментально-манерная лексика «прелестная дева одинокая» и «мальчик» – народное подражание утонченности в книжном изображении чувств.

«Жестокий» («казачий») романс обнаруживаем уже в собрании А. И. Мякутина (1904-1910), например, под названием «Рыцарская любовь» (зап. от А. Лосевой в 1902 г. в ст. Усть-Уйской) [15, с. 316], «Поехал далеко казак на чужбину» [13, с. 81] (зап. сотником Д. Е. Пичугиным из станицы Усть-Уйской в 1902 г.), «Милая выходит замуж за другого» [14, с. 51-52] (зап. от Ивана Матвеева в 1902 г. в ст. Звериноголовской). Романс «Милая выходит замуж за другого» («Солнце скрылось из глаз») – вариант народной песни на стихи декабриста Ф. Н. Глинка «Завянные следы», опубликованные впервые в 1827 г. И. И. Грибушин отмечал, что фольклоризации этого стихотворения благоприятствовали «тематические, композиционные и стилистические переключки с народной поэзией»: народнопоэтические эпитеты, песенная семантика образа воды, психологический параллелизм и проч. [6, с. 54]. Казачий вариант, приведенный А. И. Мякутиным, несомненно, является оригинальной переделкой стихотворения. Каждая строка перефразирована по-своему, стихотворная рифма то поддерживается, то теряется. Фрагменту сюжета о всаднике на коне (общее место казачьих песен), который скачет к церкви, где его милую венчают с другим, отводится 10 строк! Форма слова указывает на локус Южного Зауралья: «солнце скрылось», «конь, торопись», «остановися», «а во храм-от я зашел», «водят круг налою» (вокруг, обл. – *Н. У.*), «подай, Боже, моей милой счастья и талану». Пожелание «счастья, талану» (-у, род. падеж, обл. – *Н. У.*), «духовного спасения», в котором «талан» означает удачу и богатство, до сих пор встречается в с. Звериноголовском. Песня «Поехал далеко казак на чужбину» у Мякутина представлена как одна из версий баллад на тему «Молодцу снится недобрый сон» (вариант «О»), однако она отличается от других версий литературным складом. Это вариант известного «жестокоего» романса литературного происхождения на стихи Е. П. Гребенки. Другие варианты данного романса записаны и в XXI веке в разных местах обозначенного нами локуса.

В начале XXI в. встречается здесь песня о жестокой судьбе непослушной дочери. Романс «Матрос едет по реке» [11, № 4] (зап. от фольклорного коллектива «Зауралочка» Н. Е. Украинцевой в 2016 г.; с. Прорывное) долгое время служил как оберег, играя назидательную роль: «– Прими, мама, прими дочь, прими, дорогая, / Матросенок будет звать “бабушка родная”. / – Не послушалась, дочь, матери совета – / Поезжай с матросенком в край белого света». «Матрос» (вместо «казак») в песне – символ соблазителя, чуждого культуре, нравственным устоям казаков. Назовем также «В разненастную погоду» [12, № 10], «Вспомню тот вечер заветный» [Там же, № 11] (зап. Т. В. Некрасовой от А. Ф. Немятой; с. Михалево), «Потеряла я колечко» [Там же, № 19], «Зачем та ночь была такая» [Там же, № 8] (зап. от Т. В. Дядик, 1923 г. рожд.; с. Михалево). «Жестокий» романс об обманутой девушке «Зачем та ночь была такая» первой строкой напоминает известные народные версии романса Н. А. Риттера – Н. Р. Бакалейникова «Ах, зачем эта ночь». Заключительные его строки «Беру перо и лист бумаги, Пишу изменщику письмо...», типичные для городских песен, в свое время, в далеком казачьем поселке звучали «по-книжному» романтично. В романсе «В разненастную погоду» встречаем этот же прием, привлекавший слушателя: «Дайте кисть мне, дайте краски, / Живопиской буду я, / Я срисую те глазки карие / И оставлю для себя».

Одна и та же песня литературного происхождения у казаков Южного Зауралья могла в процессе трансформации пройти разные пути развития. Песня «Зачем сидишь до полуночи» [19, № 15] была очень популярной (зап. от З. С. Скворцевской, 1920 г. рожд.; с. Звериноголовское; также зап. от Р. В. Дюрягиной 1938 г. рожд.; с. Казак-Кочердык [2, № 13]), тексты ее – народные варианты песни С. Н. Стромиллова – А. Е. Варламова «Ожидание». Приведем звериноголовский вариант, который звучит как лирический бытовой романс: «Зачем сидишь до полуночи / У растворенного окна? / Кого ты ждешь, / О ком страдаешь, / Заветных песен не поешь? / Зачем вечернею порою / Одна выходишь на крыльцо, / Своей горючею слезою / Ты моешь белое лицо? / Твоя слеза на ручку канет, / И распояется кольцо, / Да, распояется, разломатся, / И с милым кончится любовь. / Зачем вам знать, о ком страдаю, / Зачем вам знать, кого люблю? / Кого люблю – вам неизвестно, / О ком страдаю – не скажу». Как ни странно, но в песне гармонично сливаются казачья манера исполнения, народнопоэтическая образность («белое лицо», «разломанное кольцо») и романсовая таинственность. Диалектная примета в слове – форма глаголов 3-го лица, ед. числа («распояется», «разломатся») – подтверждает появление варианта именно в данном локусе. В Казак-Кочердыке текст этой песни вдвое больше, с разного рода контаминациями, это «жестокий» романс о страданиях обманутой девушки: «Увлёк, увлек он для забавы, / А сам другую полюбил». Далее описаны ее грезы: «Что будто мой-от разлюбезный / Во всем военном снаряжен. <...> Он застрелить-то не застрелил, / А только грудь мою пронзил». Логично предположить, что этот вариант сформировался на первом этапе освоения романса фольклором.

В культуре казаков Южного Зауралья на протяжении XIX-XX веков шел процесс активного освоения городской песни, более всего – романса. Варианты песен зафиксированы и в начале XXI века у старожилов бывших станиц. Для местных вариантов характерны следующие черты: ориентация на литературную строфу, перенимание рифмы, неширокий мотивно-тематический набор текстов. Своеобразна обработка текстов: сокращение содержания (за счет отказа от мелодраматических излишеств, душещипательных повторов), контаминации с использованием фрагментов из литературных источников, употребление диалектных форм слов, фразеологизмов, исполнение песни с соблюдением канонов оренбургской казачьей традиции локуса (суровым голосом, с паузой в середине строки, часто – с цепочечным повтором строк). На первом этапе освоения романса были востребованы его психологизм, сентиментальная манера в изображении любовного чувства. Позднее романс стал служить воспитанию чувств, оберегом судьбы молодых. Таким образом, городской романс, взявший начало от романса литературного, получил своеобразную яркую трансформацию в фольклоре казаков Южного Зауралья.

Список источников

1. **Адоньева С. Б., Герасимова Н. М.** «Никто меня не пожалеет»: баллада и романс как феномен культуры нового времени // Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Б. Адоньева, Н. М. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 338-365.
2. **Архив Кафедры русского языка и культуры речи Курганской ГСХА.** Полевые записи фольклора. Целинный район. Казак-Кочердык. 2014.
3. **Архив Кафедры русского языка и культуры речи Курганской ГСХА.** Полевые записи фольклора. Целинный район. Усть-Уйское. 2013.
4. **Балашов Д. М.** История развития жанра русской баллады / ред. О. А. Петтинен. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1966. 72 с.
5. **Башарин А. С.** Городская песня // Современный городской фольклор / отв. ред., автор вступ. ст. С. Ю. Неклюдов. М.: РГТУ, 2003. С. 503-533.
6. **Грибушин И. И.** «Завянные следы» Федора Глинки в уральском песенном фольклоре // Фольклор Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. Вып. 3. Народно-песенное творчество. С. 53-61.
7. **Гудошников Я. И.** Русский городской романс: учебное пособие. Тамбов: Тамбов. гос. пед. ин-т, 1990. 89 с.
8. **Зуева Т. В.** Русский фольклор: словарь-справочник. М.: Просвещение, 2002. 334 с.
9. **Иванов-Балин Г. И.** Русские народные песни Зауралья. М.: Советский композитор, 1988. 198 с.
10. **Костюхин Е. А.** Жестокий романс // Современный городской фольклор / отв. ред., автор вступ. ст. С. Ю. Неклюдов. М.: РГТУ, 2003. С. 492-502.
11. **Личный архив автора.** Полевые записи фольклора. Звериноголовский район Курганской области. Прорывное. 2016.
12. **Личный архив автора.** Полевые записи фольклора. Целинный район Курганской области. Михалево. 2016.
13. **Песни оренбургских казаков:** в 4-х т. / собр. А. И. Мякутин. Оренбург: Изд-во Оренбург. казачьего войска, 1905. Т. 2. 162 с.
14. **Песни оренбургских казаков:** в 4-х т. / собр. А. И. Мякутин. Оренбург: Изд-во Оренбург. казачьего войска, 1906. Т. 3. 314 с.
15. **Песни оренбургских казаков:** в 4-х т. / собр. А. И. Мякутин. Оренбург: Изд-во Оренбург. казачьего войска, 1910. Т. 4. 352 с.
16. **Петровский М. С.** Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Ах, романс, эх, романс, ох, романс: русский романс на рубеже веков / сост. В. Мордерер, М. С. Петровский. СПб.: Герань, 2005. С. 5-74.
17. **Полонский Я. П.** Стихотворения. М.: Советская Россия, 1981. 272 с.
18. **Померанцева Э. В.** Баллада и жестокий романс // Русский фольклор: материалы и исследования: в 33-х т. Л.: Наука, 1974. Т. 14. Проблемы художественной формы / отв. ред. А. А. Горелов. С. 202-209.
19. **Сторона ли ты, моя сторонюшка:** сборник народных песен / зап., нот., сост. сборника Ю. В. Скворчевского. Курган: Кург. обл. метод. объединение «Культура», 2003. 60 с.
20. **Тростина М. А.** Жестокий романс: жанровые признаки, сюжеты и образы // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. Вып. IV. С. 197-202.
21. **Gans H. J.** Popular Culture and High Culture. N. Y.: Basic Books Publishers, Inc., 1974. 179 p.

**ASSIMILATION OF ROMANCE IN THE FOLKLORE
OF THE SOUTHERN TRANS-URAL COSSACKS**

Ukrantseva Nina Efimovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kurgan State Agricultural Academy named after T. S. Maltsev
Yasnaya11@yandex.ru

The article analyzes the versions of folklorized romances popular among the Southern Trans-Ural Cossacks. The author establishes the causes of this phenomenon: the folk culture requires the techniques of psychologism and sentimentalism when describing the feeling of love, moral education process. Systematization of the acquired material allowed the author to identify the epic romance-ballad and the lyrical everyday romance. The paper traces the processes of romance folklorization and transformation, emphasizes the original arrangement of songs assimilated by Cossack folklore, mentions the typical local features of a romance.

Key words and phrases: Cossack folklore; urban song; romance; song folklorization; genre transformation.